

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины, Киев (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

SERHII MAKEYEV,

Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of the Department of Social Structures, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

smakeev950@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4418-8741>

Мы в неравенстве и неравенство в нас

Bottero W. A Sense of Inequality.

London, New York: Rowman & Littlefield International, Ltd., 2020. 251 p.

Перечень слов, с помощью которого неравенство и его следствия если и не исчерпывающе, то узнаваемо характеризуются в социологии, не так уж велик. Достаточно упомянуть диспропорции в доходах (богатые и бедные), асимметрию отношений (властвующие и подчиненные), несправедливость и напряженность (конфликты). Обстоятельство познаний засвидетельствуют слова “гордыня” и “унижение”, “самоуважение”, “достоинство”, “идентичность”, “социальные патологии”, “стратифицированный доступ к образованию, медицине, отдыху”. А про тенденцию говорят вообще и менее многословно, и более непреложно — “неравенство растет” или же “неравенство углубляется”. И хотя рост и углубление не синонимы, но представление о процессе складывается, а сигнал о неблагополучии легко считывается и вне научной общественности.

Социальное неравенство было основным предметом обсуждения на конгрессе Международной социологической ассоциации (ISA) в 2014 году, как и многочисленные сопутствующие негативные эффекты, метящие в устойчивость социального порядка, в consistency общественной солидарности, в благополучие материального положения индивидов, в их самочувствие, в качество жизни определенных слоев населения. Отнюдь не мало и социологических монографических публикаций, предметом которых является стратификация (расслоение) общества. Впрочем, они — так уж пове-

---

Цитирование: Макеев, С. (2020). Мы в неравенстве и неравенство в нас. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 1, сс. 182–190.

лось — имеют заметно меньший общественный резонанс по сравнению с экономическими, и ни одна из них не стала бестселлером. Даже книга Г. Тёрборна с призванным привлечь внимание названием о неравенстве как театре военных действий, где нас убивают (*“The Killing Fields of Inequality”, 2013*), много уступает в популярности монографиям Д. Стиглица о цене неравенства или Т. Пикетти о капитале в XXI веке. К тому же социологи, в отличие от экономистов, как отмечалось в статье от 17 марта 2017 года в “Нью-Йорк Таймс” с названием “Что если бы социологи были столь же влиятельны, как и экономисты?” (*“What if sociologist had as much influence as economists?”*), не имеют доступа к уху высших государственных чиновников: существуют группы экономических советников, но не социальных.

Социологическое представление об иерархических различиях и неравноправии нельзя считать сколько-нибудь твердо оформившимся и завершенным. И не вследствие того, что смысл или смыслы неравенства якобы потаённо латентны, надёжно сокрыты: скорее он/они растут и обзаводятся новыми оттенками по мере движения времени, порождающего события. Мировое дерево неравенства — отчего не позволить себе такую метафору — непрерывно пускает свежие побеги с непохожими друг на друга листвой и почками. Оттого каждая новая публикация не проходит мимо внимания тех, кто по роду занятий и культивируемой компетенции пытается разобраться в тенденциях и последствиях расслоения обществ. А если книга написана автором из Великобритании, то не заметить ее значит упустить шанс пополнить свои знания, а порой и сомнения. Потому что нет ничего более естественного для социолога в Великобритании, чем исследовать социальные структуры в их самом широком понимании: институты, организации, классы и категории населения, стратификацию и мобильность. К тому же склоняет как богатая научная традиция, надёжно экипирующая необходимыми сведениями и навыками, так и активное исследовательское сообщество, изобретательно, методически тщательно изучающее дифференцированные и вертикально упорядоченные социальные структуры.

В декабре 2019 года поступила в продажу книга преподавательницы и исследовательницы из Школы социальных наук университета Манчестера Венди Боттеро **“A Sense of Inequality”**. Она известна в кругах социологов-структуралистов разных стран Европы по предыдущим работам и завидно часто — как по украинским меркам — цитируется. И в этой ее книге наиболее полно, пожалуй, реализованы ее научные пристрастия и увлечения, которые на своем сайте она суммирует в таких вот определениях:

“Я изучаю социальные иерархии и то, как неравенства повреждают наши персональные связи, социальные контакты и взаимоотношения. Я рассматриваю все это в трех перспективах: применяя конфигурации социальных связей для составления карты иерархий; обдумывая то, как социальные связи и взаимодействия способствуют нашему теоретизированию об иерархии и неравенстве; выявляя, каким образом паутина наших социальных взаимоотношений содействует визуализации неравенства”.

Читатель, более проницательный, чем я, до, а не после просмотра хотя бы оглавления распознал бы два сообщения, зашифрованные в названии монографии. Первое связано со словом “sense”, которое в английском означает как

нечто рациональное, подлежащее аргументированному описанию и растолкованию сколь возможно точными понятиями и терминами, так и нечто внешнее, перешедшее в ощущение, ставшее аффектом. Это одновременно и нечто находящееся вне кого бы то ни было, и смысл (значение), и восприятие (чувство, ощущение). Иначе говоря, мы все присутствуем в неравенстве, соприкасаемся с ним как объект с объектом. Но, одновременно, неравенство беспокойно присутствует в нас, дотрагиваясь изнутри и тревожа.

Второе сообщение не менее определено: перед нами не отчет о проведенном эмпирическом количественном, качественном или состоящем в их комбинации обследовании. Напротив — это опыт генерализации, обобщения твердо установленных фактов в свете концептуальных социологических представлений о том, как вообще социальные феномены производятся, воспроизводятся, модифицируются в процессах совместного мультивариантного существования/взаимодействия институтов, организаций, сообществ, общностей, индивидов. И получается, что книга — о том, что представляют собой и как взаимосвязаны индивидуально продуцируемое восприятие присутствия/бытования в неравенстве, вызванные им аффективные состояния, предрасположенность к действию и собственно действие.

Условия сколько-нибудь эффективной реализации такого рода стратегии трудновыполнимы. Надобны, как минимум, персонально успешная научная история в избранной специализации, а также владение искусством задавать “правильные” (оригинальные) вопросы, ответы на которые можно пытаться находить посредством интерпретаций имеющейся литературы. Извлечение новых смыслов из уже имеющихся текстов посредством нетривиальных вопрошаний удавалось Э. Дюркгейму и М. Моссу, тем, кто никогда в экспедиции за эмпирическими данными не выезжал, а работал с отчетами в музеях и с доступными публикациями. В их случае, правда, корректнее говорить не о кратком или развернутом вопросе, но более или менее сложившейся концепции, понятийном схематизме, требующем укоренения в достоверных наблюдениях и интерпретациях. Путь, ведущий к фактам в новом концептуальном обрамлении, пролагается интуицией и вдохновением исследователя, оттого своеобразен, а часто и самобытен.

В. Боттеро проторяет собственный маршрут, промежуточными станциями на котором являются главы книги, а их названия уведомляют о том, с чем предстоит встретиться тому, кто присоединится к автору в его путешествии. Вот они, понятные и без перевода: глава 1 “Restricted visions?”; глава 2 “Attitudes to inequality”; глава 3 “Misrecognising inequality”; глава 4 “Affective inequality”; глава 5 “Protesting inequality”; глава 6 “Resisting inequality”; глава 7 “Making sense of inequality”; глава 8 “Conclusion”. В качестве иллюстраций и подтверждений приводятся (крайне редко) данные национальных и сравнительных обследований, предъясняется (постоянно) их интерпретация в контексте различных парадигм и концепций: прагматизм, в симпатии к которому признается автор, интеракционизм, этнометодология, акторно-сетевая теория, феноменология.

В библиографии 587 наименований на 22-х страницах мелким шрифтом, едва ли не на каждой странице основного текста — по 10 ссылок. Но такая степень насыщенности неавторскими оценками и констатациями не оставляет впечатления избыточности. В нашей дисциплине множественность схем интерпретации поведения людей, их реакций на ситуации и жиз-

ненные обстоятельства оставляет исследователю не универсальный, но избирательный, шанс на удовлетворительное разрешение трудной задачи объяснить/истолковать увиденное и надежно зафиксированное. Лучшее — небезосновательно полагает В. Боттеро после обзора предлагаемых иными парадигмами объяснений — освещение и понимание феноменов стратификации приходит именно в перспективе прагматизма.

Присущая прагматизму аксиоматика, узнаем из первых двух глав (глава 1 “Restricted visions?”; глава 2 “Attitudes to inequality”), безапелляционно очевидна. Индивидам в общих чертах ясна картина их собственного положения и условий повседневного существования, они уверенно ориентируются в доступном им социальном пространстве, в неудобствах, небезопасности, зыбкости которого они отдают себе отчет. Люди, далее, не безошибочные, но надежные эксперты в различении позволительного и запрещенного, достижимого и запредельного, возможного и несбыточного, недостаточного и излишнего в данных им обстоятельствах места и времени. Они уверенно идентифицируют собственно то, что стесняет их, исключает или, напротив, включает в лотерею шансов; что непосредственно относится к ним самим или к таким людям, как они сами. Их устраивают как произведенные самостоятельно или с помощью значимых других, заслуживающие доверия калькуляции вероятности достижения желаемого на основе имеющихся в распоряжении ресурсов, равно как и туманного происхождения, но внутренне оправдываемые, а потому убедительные, предчувствия успеха или неудачи. Одновременно им свойственно оценивать собственную ситуацию позитивнее, чем она может представляться со стороны, как бы возвышать себя над нею.

И тогда в фокусе исследования оказывается восприятие опрашиваемыми диспропорционально распределенных жизненно значимых благ сквозь призму жизненного опыта и насущных потребностей. То есть представляемое неравенство, с которым коррелируют некие аффективные состояния (эмоционально окрашенные, но не предмет интереса психиатров), оценки, предрасположенности к действию. В. Боттеро трактует такое восприятие — затейливую комбинацию рационального и эмоционального, в которой пропорции едва ли удастся измерить — как полноценную “реальность”, фиксируемую исследователем и становящуюся предметом его размышлений. Тем самым открывается возможность предметно обсуждать противоречивые по содержанию атрибуты подобной реальности — реальности восприятия — в последующих главах. Они таковы: аттитюды, убеждения и предубеждения относительно неравенств, чувства, вызываемые им, протесты против неравенства, сопротивление ему.

Коль речь заходит о стратификации материального положения, того, что является повседневной заботой каждого, то доминантный аттитюд хорошо известен — “неравенство слишком велико”. Именно такой ответ на вопрос о неравенстве в доходах и благосостоянии, существующем в стране респондента, получают интервьюеры по всему миру. В нем заключены некие *ожидания* большего равенства, генерируемые имеющимися у индивидов представлениями о некоей *идеальной модели* стратификации, о *приемлемом* уровне неравенства, о *степени справедливости производства* существующего неравенства. В их происхождении в каждом конкретно-групповом случае не стоит, по-видимому, разбираться. Социологу, если он не вовлечен

в компаративные разыскания, достаточно знания о том, что содержание таких представлений обусловлено социально-политическими и социально-культурными особенностями конкретной страны, такими себе, абстрактно говоря, режимами воспроизводства неравенства, форматируемыми социальными институтами.

Между тем, сравнительными исследованиями достоверно установлены и описаны некоторые зависимости. В богатых (развитых) странах, к примеру, отношение к неравенству терпимее, чем в странах бедных. Респонденты с высоким статусом и высшим же образованием не столь радикальны в своих оценках стратификации по сравнению с менее образованными и находящимися на низших ступенях социальной иерархии. Они не так часто признают необходимость перераспределения доходов, введения прогрессивного налогообложения. В такой установке закодированы как толерантность, так и пониженная чувствительность к диспропорциям и расколам в социуме, присущая им разновидность социальной близорукости, скрадывающей дистанцию между “верхами” и “низами”, богатыми и бедными. Не везде, однако, так. В Китае, читаем во второй главе, благоволение к неравенству более распространено среди малообразованных сельских жителей, а критический настрой — среди образованных жителей крупных городов. Таков несколько неожиданный эффект быстро растущей экономики.

В главе 3 (“Misrecognising inequality” — Непризнаваемое неравенство) рассматриваются причины неадекватного (искаженного) восприятия индивидами разделения на доминирующих и подчиненных, господствующих и угнетенных по сравнению с претендующими на точность измерениями неравенства, предъявляемыми статистикой и экономистами. Или, по-другому, каковы же причины аберрации восприятия, сглаживающего неизбежное и непреодолимое разделение на тех, кому дозволено многое, и тех, кто довольствуется малым? В действие, свидетельствуют исследования, вступает многое: люди сравнивают себя с “ближним жизненным миром”, с коллегами по учебе, работе, соседями; они успокаиваются, не находя больших отличий и не завидуя стилю жизни селебритис; удовлетворяются совершенной мобильностью по сравнению с родителями или довольствуясь личной карьерой, когда обнаруживают перед собой перспективы улучшения материального положения или повышения статуса; смиряются, осознавая в период кризиса, что он коснулся большинства.

В следующих трех главах после обзора наличных в социологии концептуальных механизмов объяснения того, как формируются реакции индивидов на неравенство (смирение, эмоциональное возбуждение, противодействие), предпочтение отдается прагматическим интерпретационным практикам, отсылающим к локальным условиям жизни. Сравнение неравенства с потоком (течением), встречающееся на некоторых страницах, именно в данном случае оказывается уместным. Несколько странно было бы говорить о сопротивлении глубине, разрывам или разительной асимметрии, но бороться с течением, плыть/идти против него — верный и понятный образ. К тому же усмирение разрушительной силы потока возможно коллективным или индивидуальным действием, поддержанным эмоциональной реакцией на стратификацию.

В фокусе главы 4 (“Affective inequality”) — источники формирования и воспроизводства состояний раздражения, гнева, стыда, оскорбленного дос-

тоинства, апатии, бессилия у индивидов, включенных в отношения доминирования/подчинения. Никто и не полагает, будто все люди непрерывно думают о том, как они живут и является ли их жизнь достойной. Многие примираются с тем, что есть, изыскивая способ приладиться к обстоятельствам или как-то обратить их в свою пользу. Кто-то впадает в депрессию — часто встречающийся эффект неравенства. Но какая-то часть индивидов обладает способностью соотносить должное и сущее критически, противясь давлению общепринятого и не допуская окончательной девальвации принципов справедливости, честности, признания, уважения, ответственности. Так складываются общности на основе протестного действия, неоднородные по статусным, квалификационным и образовательным признакам.

В главе 5 (“Protesting inequality”) обосновывается, что пределы на предрасположенность, готовность коллективно протестовать против наличных иерархических порядков, менять существующие правила и утверждать новые правила совместных действий устанавливаются не только угрозами легитимного насилия и репрессий со стороны социальных институтов, но также обстоятельствами и условиями повседневного существования. При этом коллективное действие опирается и на способность индивидов выходить за пределы собственных потребностей, желаний, интересов. В главе 6 (“Resisting inequality”) обсуждается возможность корректного объяснения неорганизованных, индивидуальных форм сопротивления неравенству — несоблюдения норм и правил, неподчинения, вплоть до ухода из иерархических порядков, дауншифтинга — в терминах практических проблемных ситуаций, в которых пребывают люди.

Содержание двух последних глав (глава 7 “Making sense of inequality”; глава 8 “Conclusion”) резюмирую в следующем пассаже, который не является переводом какого-либо конкретного фрагмента книги, но ближе всего по содержанию к ее заключительному абзацу:

Смысл (значение) и восприятие (ощущение) неравенства формируются в повседневной жизни — когда индивиды в попытке разобраться и справиться с вполне практическими проблемами сталкиваются с проявлениями принуждения и ограничений; когда обнаруживается, что для успеха в понимании и преодолении житейских трудностей у них недостает потребных ресурсов, доступ к ним ограничен их низким социальным статусом, подчиненным положением, отсутствием средств повлиять на независящие от них решения, принятыми или навязанными обязательствами и рамками действия; когда их охватывает страх и тревога по поводу того, что им никак не преодолеть бытовых или профессиональных неурядиц, что ситуация окончательно вышла из-под контроля и любой выбор только ухудшает положение дел. Смысл неравенства уясняется, а его восприятие обостряется тогда, когда индивиды осознают, что они неспособны жить так, как желают, делать то, что необходимо, и не делать того, в чем не нуждаются; что они унижены и оскорблены, мир управляется чем-то много более могущественным, чем они сами, а потребности и склонности других людей остаются непонятными. Тогда, когда альтернативы изменения ситуации отсутствуют или неприемлемы, когда приходится признать: мир именно таков и с ним ничего поделаться нельзя.

Однако они остаются в своем праве тогда, когда смысл неравенства открывается, а восприятие артикулируется в ходе попыток одолеть сложности и тяготы повседневной жизни индивидуально или сообща. Когда люди возмущены, раздражены несправедливостью и нечестностью распределения благ и привилегий, обещают не смиряться и грозят возмездием — кому-то все это не сойдет с рук. Они правы и тогда, когда чувствуют враждебность социальных отношений в обществе, признают неподатливость социальных отношений, упорно сопротивляющихся изменениям, приходят к неутешительному выводу о том, что их практические действия часто представляют собой стратегии переговоров и маневров внутри среды, никак на нее не влияя. Но согласие с неравенством, смирение перед его неизбывностью иногда совместимы с сомнениями, критикой и сопротивлением, побуждая индивидов включаться в разнообразные легальные или же незаконные формы практических действий по делегитимации существующего неравенств — демонстрации протеста, забастовки, участие в теневой экономике, нарушение правил, распорядков и т. п.

При всех несомненных достоинствах монографии присутствует в ней и обстоятельство, долженствующее смутить придирчивого читателя — то ли предрассудок, то ли некритически разделяемое вслед за большинством изучающих стратификацию недоверие к тому, с чем имеет дело социолог. Оно (это обстоятельство), в самом общем виде, предопределено дихотомией “объективное vs субъективное” в ее естественнонаучной интерпретации. В языке научных публикаций “объективное” обладает неоспоримым статусом и научным достоинством, может быть измерено, и такая операция воспроизводима с идентичным исходом, а вот “субъективное” стигматизировано, представляя искаженный и неполный образ внешней реальности. Дихотомия постоянно присутствует в горизонте социологического воображения, но в случае экономического неравенства его (воображение) безосновательно, полагаю, дезориентирует в направлении и тоне рассуждений. Поскольку неравенство есть нечто внешнее, атрибут социального, постольку часто любопытствуют, в каком отношении к объективно существующему неравенству находится его восприятие. Эпистемологическая реакция в самой общей форме известна: восприятие объектов везде и всюду, при любых обстоятельствах является неполным (ограниченным), а часто еще и искаженным.

Между тем в подобных дискуссиях совершенно непостижимым образом игнорируют иные принципы, которым следуют, скажем, в физике. Ведь установлено, что описание зависит от позиции наблюдателя, что не существует абсолютной позиции или универсального наблюдателя, видящего одномоментно, панорамно, многомерно. Другими словами, значимость дихотомии “объективное vs субъективное” в естественных науках заметно дезавуирована, сфера ее применимости должна специально оговариваться. Ограничения на то, что мы можем видеть и достоверно установить, тут никого не смущают и не вынуждают оправдываться. Вот и в социологии она подлежит удалению за горизонт воображаемого, освобождая пространство для построения и предъявления разным аудиториям исполненных внутреннего достоинства, без следов комплекса научной неполноценности интерпретаций, оттенков, вариаций сложного мира совместного существования людей.

Однако В. Боттеро не удается избежать искушения повторять тривиальные, ничего нового не несущие констатации о несовершенстве восприятия экономического неравенства. Или, иначе, ей не удается постоянно следовать заявленной в первой главе стратегии на восприятие иерархических порядков в качестве самодостаточной фактичности. Во второй главе постоянны отсылки к “объективному уровню” неравенства, автор солидарен с едва ли не общим мнением о том, что он (уровень) *недооценивается* людьми. Приводятся свидетельства из обследований в разных странах, согласно которым люди не знают, сколько в действительности зарабатывают высший менеджер частных компаний, врач или квалифицированный рабочий и каков коэффициент Gini в стране. Тем самым ею признается и принимается первенство внешнего (реального) над воспринятым.

Тогда как необязательность такого свойства апелляций становится ясной, если всерьез принять во внимание заведомую неточность в калькуляциях неравенства доходов и благосостояния. Экономистам хорошо известны упрощения и допущения, на которые приходится идти в подобных измерительных практиках, равно как и неполнота официальной статистики во многих странах. Не говоря уже о теневой экономике доходов, лишь приблизительно поддающейся оцениванию и вообще не учитываемой в эконометрике стратификаций. Потому социологу резонно говорить не о недооценке, а об отсутствии претензии выдавать восприятие за оценку внешнего (положения дел), о принятом и неукоснительно исполняемом обязательстве выявлять аспекты совместной жизни, для которых такое восприятие имеет значение, — а также трактовать восприятие неравенства как симптом изъянов в функционировании социально-экономических механизмов в конкретном обществе.

К тому же вопросы о том, кто и сколько зарабатывает, как в модуле “Социальное неравенство” Международного проекта социального исследования (ISSP), — вовсе не тест на знание респондентами “реального положения дел”. Резонно спросить — а кто знает “точно”? Экономисту или социологу необходимо предпринять непростые разыскания для того, чтобы составить приемлемое представление. Но даже тогда приходится апеллировать к средним значениям (или медианам) заработных плат менеджера, врача, квалифицированного рабочего, не забывая (что редко делают) указать коэффициенты вариации вокруг средних (медиан).

Средние же, как известно, вообще весьма условное свидетельство, нивелирующие различия в величине предприятий, отраслях экономики, территориальной и поселенческой принадлежности. К тому же никто ведь не проверял, насколько сообщаемые респондентами цифры совпадают или не совпадают с вариациями официально фиксируемых статистикой выплаченных работникам сумм. В результате вместо того, чтобы выяснять, чем же обусловлено такое или иное “восприятие вознаграждений”, разговор ведут о вещах, прямо не называемых зыбкими и ненадежными, но по сути такими являющимися, — фактически признавая за экономическими выкладками обоснованность претензии на точность, научность и объективность, в противоположность субъективным оценкам, с которыми имеет дело социология.

Даже если и так, то все равно испытываешь неловкость за публично предъявляемое экспертом согласие с констатациями об ограниченном знании, о недооценке масштабов стратификации со стороны тех, кто откликнулся на приглашение интервьюера поделиться своим мнением; об их наив-

ном или инспирированном внутренне/извне неведении/отчуждении. Не велика, право, ценность сообщения о более точном знании ученого по сравнению с респондентами; да и воздержаться от него легко, если принять во внимание, что они (респонденты) поступают так не намеренно, не с целью огорчить ученого. И уж вовсе не состоит задача исследователя в том, чтобы открывать отдельным категориям людей глаза на то, сколь сильнее они оскорблены и унижены своим положением и статусом, чем способны вообразить. Пусть даже в публикации, адресованной почти исключительно академическому сообществу.

В последующих главах автор, впрочем, в значительной степени дезавуирует тезис об искаженно или неправильно представляемых индивидами образах неравенства и социально обусловленных препятствиях удовлетворению потребностей и желаний. Разнообразными практиками или намеренной пассивностью люди участвуют в воспроизводстве неравенства вовсе не потому, что они “неверно представляют” его глубину и масштабы. Исходить следует из факта их осведомленности о ситуации, в которой они находятся; надлежит придирчиво выяснять содержание и структуру ресурсов и возможностей преодоления наличных социальных ограничений на индивидуальные или коллективные действия в конкретных обстоятельствах страны, географии, типа поселения. Тогда-то и выпадет шанс увидеть и помыслить неравенство в социологической перспективе наиболее адекватно: что люди *думают* о неравенстве, как его *представляют* и как на него *отзываются* — эмоционально и/или действием; в этом и состоит самая что ни на есть “объективная реальность” для взыскующего исследователя, подлежащая теоретической и эмпирической интерпретации.

В оценке книги Венди Боттеро “**A Sense of Inequality**” никак не ошибиться: в распоряжение теоретиков, аналитиков и преподавателей поступил обстоятельный компендиум социологической трактовки социальных диспропорций, несоразмерности, дисгармонии, содержащий богатый словарь ассоциаций и коннотаций неравенства. Книга пригодится и тем, кто работает с эмпирической информацией, стремясь ее убедительно и корректно истолковать.

Получено 28.01.2020